

*А.Ю. Кожемякин**

ПОНЯТИЕ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

После принятия Нового УПК РФ и других нормативных актов проблема определения одного из видов доказательств – вещественных доказательств, стала предметом оживленной полемики процессуалистов и приобрела еще большую актуальность. На основе анализа суждений ученых, высказанных по этому поводу в последние годы, автор предлагает свое определение понятия вещественного доказательства и уточняет ряд формулировок, которые следует внести в действующее законодательство.

Чтобы понять сущность и природу вещественного доказательства в уголовном процессе России, необходимо уяснить суть трансформации этого понятия как в законодательстве, так и в научной литературе. В процессуальной литературе устоялось представление о вещественном доказательстве как определенном материальном объекте, запечатлевшем на себе или в своем месторасположении физические изменения, которые произошли в результате преступного воздействия. Еще И.Я. Фойницкий отмечал: «Преступная деятельность проходит мимо различных лиц, наблюдающих случайно ее отдельные моменты и затем дающих о ней свои показания суду; но кроме того, деятельность эта производит разнообразные изменения во внешнем мире, оставляет в нем материальные следы, по которым можно судить о подлежащем судебному исследованию. Все такие изменения во внешнем мире, служащие материалом для исследования и разъяснения дела, образуют понятие вещественных доказательств» [12. С.302].

Определяя сущность вещественного доказательства, исследователи традиционно отграничивают его от доказательств, содержащих словесное описание, данное тем или иным лицом, какого-либо обстоятельства. Это отличие состоит в том, что вещественное доказательство в непосредственной, материальной форме

* © Кожемякин А. Ю., 2007

Кожемякин Андрей Юрьевич – кафедра уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета.

отображает факты, имеющие значение для дела [8. С.53]. И.Б. Михайловская верно полагает, что вещественные доказательства можно определить как те изменения, которые произошли в объективном мире в результате действий или бездействия, прямо или косвенно связанные с событием, послужившим основанием для возбуждения уголовного дела [3. С.207]. Здесь констатирован существенный и наиболее общий, на наш взгляд, признак вещественного доказательства. Таковым являются не только предметы, которые были непосредственно изменены ходом преступного действия (так считали ранее некоторые авторы), но и любые предметы, которые прямо или косвенно связаны с событием, исследуемым по уголовному делу. Любой предмет становится вещественным доказательством только тогда, когда он прямо или косвенно связан с событием преступления¹ [13. С.35-63].

Наряду с этим встречаются и иные представления о вещественном доказательстве. В.Л. Будников рассматривает его как совокупность однородных единичных доказательств, основой (матрицей) которых является определенный предмет [5. С.22]. В поисках нового представления автор пытается рассмотреть вещественное доказательство не как отдельно взятый предмет или документ, относящийся к событию преступления (он именуется этот объект матрицей), а «образованную на его основе достаточную совокупность однородных единичных доказательств, способных раскрыть его информационную сущность в необходимом процессуальном значении» [5. С.23]. По-видимому, сказанное означает, что к вещественному доказательству относятся не только протокол его обнаружения и осмотра, но и заключение эксперта, выявившие признаки предмета, а также другие, связанные с «матрицей» источники информации. В таком представлении акцент делается на содержании доказательства при умолчании о его форме. Кроме того, утрачивают самостоятельное значение такие виды доказательств, как протокол осмотра, заключение эксперта, показания свидетелей и т.п., которые становятся элементами сложного конгломерата, именуемого автором вещественным доказательством. Вряд ли такая трактовка развивает традиционные научные представления о сущности вещественного доказательства. Такие представления, исходя из единства содержания и формы, охватывают как содержание вещественного доказательства (т.е. информацию, заключенную в признаках предмета, его месторасположении и т.д.), так и его форму – сами эти признаки и отражение их в протоколе обнаружения и осмотра вещественного доказательства, а затем в постановлении о приобщении предмета к делу в этом качестве.

Исходя из того, что в вещественном доказательстве главное – не его материальная основа (матрица), а та информация, которая извлекается из нее при помощи соответствующих процессуальных исследований [5. С.82-83], В.Л. Будни-

¹ В процессуальной литературе исследованы многочисленные по характеру связи доказательств между собой и с предметом доказывания. Таковы генетические, хронологические и пространственные (локальные) связи, связи соответствия (корреляционные) и иные связи.

ков делает дальнейший шаг на пути освобождения вещественного доказательства от процессуальной формы. Он называет «реликтом советского времени» и призывает отменить предусмотренное ч.2 ст.81 УПК РФ правило об обязательном вынесении органом уголовного преследования специального постановления о признании определенного предмета вещественным доказательством и его приобщении к уголовному делу, утверждая, что оно находится в прямом противоречии с общими нормами о формировании уголовных доказательств в состязательном судопроизводстве. Это предложение автор обосновывает необходимостью «объективизации процесса вовлечения материальных объектов в доказывание наличия или отсутствия обстоятельств криминального события». В итоге предлагается определение вещественного доказательства, как комплекса единичных однородных доказательств сформированных вследствие процессуального исследования обнаруженного и изъятого в рамках следственного действия предмета, документа, их отображений [5. С.62-63].

При анализе этого определения бросается в глаза нелогичность суждений автора, ибо ни о какой «объективизации» процесса использования вещественных доказательств речи не идет, т.к. фактически предлагается заменить понятие вещественного доказательства понятием комплекса доказательств, содержащих сходную информацию.

Справедливо мнение А.В. Кудрявцевой и Ю.В.Худяковой, что вещественные доказательства – это результат разных уровней отражения: отражения в материальной среде события преступления и отражения этих следов преступления субъектами доказывания не только в собственном сознании, но и на материальных носителях с соблюдением норм УПК РФ. При этом доказательственное значение вещественных доказательств зависит от качества их содержания и качества их процессуальной формы. Качество же процессуальной формы зависит от правильности произведенных процессуальных и следственных действий по собиранию, получению и проверке, закреплению в качестве вещественных доказательств [10. С.36].

Таким образом, в самом общем виде с учетом всего вышеизложенного вещественные доказательства можно определить как материальные следы (последствия) преступления, понимаемые в широком смысле, т.е. не только как непосредственные отпечатки события на материальных объектах. Их роль как познавательных средств в процессе доказывания обусловлена тем, что они так или иначе связаны с исследуемым событием, подверглись в результате его какому-то видоизменению, перемещению или были непосредственно созданы преступными действиями. Однако предмет, не отделенный от окружающей среды и не преобразованный в надлежащую процессуальную форму, сам по себе вещественным доказательством не является. Можно утверждать, что этот вид доказательства формируется субъектом доказывания путем преобразования «вещной» информации в иную форму, в том числе в форму описания. «Признание предмета вещественным доказательством закономерно оформляется процессуальным

актом – постановлением следователя, завершающим процесс его формирования» [14. С.123]. Следовательно, чтобы стать вещественным доказательством, предмет, обладающий определенными свойствами, должен пройти определенную процедуру, обрести процессуальную форму, после чего он приобретет статус вещественного доказательства. В соответствии с ч.2 ст.81 УПК РФ указанные предметы осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится постановление.

В историческом плане представляется интересной трансформация представлений о вещественном доказательстве, в том числе и в нормативных актах предлагаемая А.В. Кудрявцевой и Ю.В.Худяковой как периодизация развития института вещественных доказательств:

1. В период действия Русской Правды и обвинительного процесса термин вещественное доказательство еще не существует, оно определяется или через внешние признаки преступления, раны, кровь, увечья или через поличное.

2. В период усиления розыскных начал в процессе вещественные доказательства относились к несовершенным доказательствам.

3. Понятие вещественного доказательства как самостоятельного вида, средства, источника доказательства отсутствовало до Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Значение доказательства, начиная с Воинских Артикулов Петра I, имели судебские осмотры, в том числе предметов, письменных доказательств, местности, трупов и живых лиц. Понятие предмета, который был связан с событием преступления связывалось с категорией «поличное».

4. УПК 1922 г. закрепил понятие вещественных доказательств с помощью перечисления вещественных доказательств: «Вещественными доказательствами являются: предметы, которые служили орудиями преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению и открытию виновных [4.С.194].

5. УПК РСФСР 1960 г. определил вещественные доказательства как предметы и перечислил их виды [10.С.20]. Определение вещественных доказательств через понятие предмета впервые было поставлено под сомнение «информационной» концепцией доказательств В.Я.Дорохова, который показал несовпадение этих категорий как по форме, так и по содержанию [9.С.108-117].

И.Я. Фойницкий писал: «Наше законодательство как бы отличает от вещественных доказательств (ст.371 УСС) признаки преступления, даваемые местностью (ст.316-318 УСС), мертвым телом, телесным повреждением, следами насилия и состояния здоровья (ст.336 УСС); но в то же время к вещественным доказательствам оно относит всякое поличное и, в частности, подложные документы, фальшивые монеты, окровавленные или поврежденные предметы, и, вообще все, найденное при осмотре места, при обыске или выемке и улике преступника (ст.371 УСС), так что в действительности это различие оказывается мнимым» [12. С.305]. В.Л. Будников верно отмечает, что подобное понимание процессу-

альной природы вещественных доказательств сохранилось и в начале советского периода уголовного процесса [6. С.11].

Так, ст. 66 УПК РСФСР 1923 г. в качестве вещественных доказательств признавала предметы, служившие орудиями совершения преступления или бывшие объектами преступных действий обвиняемого, а равно все иные предметы и документы, которые могли служить средствами к обнаружению и открытию виновных

Ст. 83 УПК РСФСР 1960 г., помимо перечисленных предметов, легализовала на законодательном уровне в качестве вещественных доказательств деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, добавив их к предметам и документам, имеющим объективную связь с преступлением.

Следует отметить, что в УПК РФ регламентация вещественного доказательства обновлена, однако, как и прежде, закон не содержит определения вещественного доказательства, как это сделано применительно к другим видам доказательств, ограничившись перечислением объектов внешнего мира, отобразивших на себе информацию, служащую средством установления обстоятельств уголовного дела. Поначалу в соответствии с ч.1 ст.81 УПК РФ вещественными доказательствами признавались любые предметы:

- а) которые служили орудиями преступления;
- б) сохранили на себе следы преступления (п.1 ч.1 ст.81);
- в) на которые были направлены преступные действия (п.2 ч.1 ст. 81);

г) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (п.3 ч.1 ст.81). Как и в УПК РСФСР 1960 г., перечень объектов материального мира, которые можно признать вещественными доказательствами, остался открытым, поскольку п.3. ч.1.ст.81 отнес к ним любые предметы, имеющие какое-либо доказательственное значение и не подпадающие под предыдущий перечень. Здесь нет четкого определения таких предметов, однако общий признак таков: если предметы могут служить установлению истины по делу, они независимо от их вида могут выступать в качестве вещественных доказательств. Это и естественно, поскольку круг материальных объектов внешнего мира, которые при определенных условиях могут стать вещественными доказательствами, безграничен и не может быть исчерпывающим.

Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ дополнил УПК новой разновидностью вещественных доказательств – в виде имущества, денег и других ценностей, полученных в результате преступных действий, либо нажитых преступным путем (п.2¹ ч.1 ст.81 УПК). В некотором смысле этот пункт пересекся с предыдущим, поскольку деньги, полученные в результате преступных действий, могут выступать как предметы, на которые были направлены преступные действия. Деньги и ценности, нажитые преступным путем, в качестве самостоятельной разновидности вещественного доказательства фигурировали в УПК РСФСР, но поначалу отсутствовали в УПК РФ 2001 г. Во второй части п. 2¹ ч. 1 ст. 81

УПК (слова «Нажитое преступным путем») речь шла о таких предметах, которые представляют собой трансформированные ценности. Слово «нажитые» означает, что это не те самые ценности, которые получены при совершении преступления, а ценности, в которые были трансформированы непосредственно полученные материальные результаты преступления. Например, валюта, дорогая бытовая техника и другие предметы, которые были приобретены за счет реализации имущества, непосредственно добытого в результате хищений, грабежей, мошенничества и т.д.

По сути, данная норма логично восполнила пробел в законодательстве, устранив уже возникшую за короткий период действия УПК путаницу по этому поводу. Так, например, Д.А. Лопаткин оправдывал невключение в перечень вещественных доказательств денег, иных ценностей, нажитых преступным путем, тем, что эта категория предметов проистекает из приобретения прав на чужое имущество преступным путем, в то время как такое приобретение возможно только после вступления приговора в законную силу. А это, по его мнению, противоречит конституционному принципу презумпции невиновности [11. С.29].

Даже после закрепления в Законе данного вида вещественных доказательств дискуссия по этому поводу продолжилась. В.Л. Будников называет включение подобных ценностей в группу предметов, являющихся, согласно буквальному толкованию закона вещественными доказательствами, «советским нормативным изобретением, которое стало сейчас и российским правовым изыском» [5. С.41]. По его мнению, если названные ценности обладают индивидуально-определенными признаками, непосредственно связаны с событием преступления и способны служить средствами установления его обстоятельств, ничто не мешает использовать их в качестве материальной основы при формировании доказательств по уголовному делу [5. С.42]. Но при таком взгляде, ограничивающем круг вещественных доказательств, игнорируется тот факт, что обнаружение незаконно полученного имущества может служить доказательством его преступного приобретения.

Существенное значение в изменении нормативного регулирования вещественного доказательства имеет Закон от 27.07.2006 г. [1.] Внесенные этим Законом в УПК РФ дополнения и уточнения в известной мере меняют представление о вещественных доказательствах. Закреплена новая формулировка вида вещественных доказательств, предусмотренного п.2¹.1 ч.1 ст.81 УПК. Этот вид вещественных доказательств теперь определен как «деньги, ценности и имущество, полученные в результате совершения преступления».

На первый взгляд отличие этой формулировки от прежней малозначительно: и в той и другой говорится о деньгах, ценностях и имуществе. Но из обновленной формулировки исключены слова «либо нажитые преступным путем». Можно предположить, что речь идет лишь об уточнении, исключении лишних слов, ибо имущество, «нажитое преступным путем», также в конечном счете «получено в результате совершения преступления». Но, скорее всего, законодатель

стремился таким путем преодолеть многозначность термина «нажитые» (о чем скажем позже).

Однако в действительности новое обозначение этого вида вещественных доказательств оказывается по своему содержанию более широким, нежели прежнее. Такой вывод вытекает из системного анализа новых законоположений.

Определяющим в этом отношении является установленная Законом от 27.07.06 г. новая редакция раздела VI УК РФ («Принудительные меры медицинского характера»), который получил новое название «Иные меры уголовно-правового характера» и дополнен ранее отсутствовавшей в нем главой 15¹ «Конфискация имущества». Можно считать, что нормы новой главы в целом направлены на ослабление и подрыв созданной незаконным обогащением материальной базы лиц, совершающих террористические акты и другие особо опасные преступления либо оказывающих содействие в этом. Конфискация, как сказано в ст. 104¹ УК РФ, это принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства незаконно полученного в результате совершения преступления имущества.

Анализ подлежащих конфискации ценностей, которые перечисляются в ст. 104¹, в определенной мере проясняет сущность вещественного доказательства, предусмотренного п.2, ч.1 ст. 81 УПК.

Так, согласно п. «а» ч.1 ст. 104¹ УК РФ, имущество, полученное в результате совершения убийств, похищений и торговли людьми, присвоения интеллектуальной собственности, ряда опасных преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, основ Конституционного строя и безопасности государства, государственной власти, интересов государственной службы, мира и безопасности человечества **и любые доходы от этого имущества** подлежат конфискации в доход государства. Возникает вопрос – подпадает ли эта формула полностью под определение вида вещественных доказательств, данное в п.2¹ ч.1 ст. 81 УПК РФ?

Не вызывает сомнения положительное решение этого вопроса относительно первой части формулы. Действительно деньги, другие ценности, полученные, к примеру, в качестве выкупа за похищенного человека или вырученные от продажи наркотиков, сильнодействующих и ядовитых веществ, сутенерства, распространения порнографии, государственной измены, являются материальными, т.е. вещественными объектами, служащими доказательством совершения этих преступлений и поэтому подлежат конфискации.

Но, по нашему мнению, иной смысл имеют доходы, полученные от незаконно добытого имущества. Под доходами от имущества, полученного в результате совершения преступления, следует понимать любые доходы, полученные в результате использования преступно полученного имущества или распоряжения им, которые не повлекли за собой его отчуждения, т.е. выбытия из сферы имущественных интересов виновного. В случае, если произошло отчуждение и виновный получил взамен деньги или какие-либо иные ценности, то здесь речь

идет уже о превращенном или преобразованном имуществе, указанном в п. «б» ч.1 ст. 104¹ УК РФ, о чем будет сказано ниже. Сами по себе доходы доказательством преступления не являются, а свидетельствуют лишь о том, что лицо, незаконно обогатившееся, извлекает из незаконно полученных имущественных ценностей дополнительные имущественные блага. Но они подлежат конфискации не как вещественное доказательство, а как средство противозаконного обогащения.

П. «б» ст. 104¹ УК РФ предусматривает далее конфискацию преступно полученного имущества и доходов от него, полностью или частично **превращенных или преобразованных** в иную форму. Здесь мы сталкиваемся с формулировкой, близкой к первоначальной формулировке п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК, согласно которой вещественным доказательством является не только имущество, полученное в результате преступных действий, но и «нажитое преступным путем». Поэтому вещественными доказательствами следует считать только преступно полученное имущество, подвергнутое превращению или преобразованию в другую форму. Специфический смысл этих терминов, не имеющих четких различий, требует разъяснений. Представляется, что превращение имущества в иную форму означает, что незаконно полученное имущество путем его продажи воплощено в форму денег, приобретенных ценностей, недвижимого имущества и т.п. Преобразование же имущества можно трактовать как придание иной формы тому самому имуществу и ценностей, которыми завладело виновное лицо, например, путем переплавки ювелирных изделий в слитки. В связи со сказанным представляется целесообразным изменить формулировку п.2 ч.1 ст. 81 УПК, обозначив этот вид вещественного доказательства так: «Деньги, ценности и другое имущество, полученное в результате совершения преступления или превращенное либо преобразованное в иную форму».

Следующий п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК предусматривает конфискацию денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма и организованной преступности. Можно ли считать это имущество вещественным доказательством? Ответить на этот вопрос, ввиду преступного происхождения имущества, о котором идет речь, нелегко. С некоторой натяжкой это имущество можно рассматривать как орудие совершения указанных преступлений, т.к. оно выступает неизменным условием осуществления терроризма и организации преступных объединений. Но, с другой стороны, такая трактовка не соответствует традиционным представлениям об орудиях преступления как предметах, позволяющих непосредственно осуществить преступное воздействие на объект (огнестрельное, холодное оружие, орудия взлома и т.п.) или служащих средствами его совершения (оборудование для изготовления поддельных денег, подложные документы, используемые для противозаконного завладения имуществом т.п.). В литературе высказано обоснованное мнение о том, что оно отличается от орудия преступления тем, что средство используется на стадии создания условий для совершения преступления для того, чтобы об-

легчить его реализацию [2. С.51]. Можно сказать, что с помощью орудия непосредственно достигается преступный результат, средство же способствует достижению его, причем непосредственно вреда не причиняет. Забегая вперед, отметим, что новый п. 8 ст. 73 УПК РФ, которым расширен круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, отделяет имущество, предназначенное для финансирования преступной деятельности, от орудий преступления.

Несомненно о вещественных доказательствах говорит п. 1 ч.1 ст. 104¹ УК РФ, предусматривая конфискацию орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Речь идет об объектах, упомянутых выше при анализе п. «в» этой статьи. Они обозначены в п.1 ч.1 ст. 81 УПК РФ термином «орудия преступления», хотя с учетом положений ст. 104¹ более точным было бы именовать этот вид вещественных доказательств как «орудия и средства совершения преступления». Оборудование может быть орудием либо средством совершения преступления.

Необходимость установления посредством доказывания всех перечисленных в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ обстоятельств получила четкое закрепление в новом п.8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, определяющей круг обстоятельств, подлежащих доказыванию. Анализируя эту норму зададимся вопросом – распространяется ли конфискация имущества только на вещественные доказательства?

Как верно отмечает Н.В. Висков, правильное определение предметов, подпадающих под конфискацию и, соответственно, вещественных доказательств, необходимо не только для верного понимания природы специальной конфискации (так ее именует автор), но и в целях защиты граждан от изъятия тех предметов, которые согласно действующему законодательству должны возвращаться законным владельцам [7. С.100].

Вместе с тем автор обращает внимание на то, что, согласно закону, изъятие предметов, исключенных из оборота, может осуществляться не только в порядке решения вопроса о судьбе вещественных доказательств. Такие предметы, по мнению автора, могут и не находиться в связи с расследуемым компетентными органами преступлением. Запрет на их создание и обращение может вытекать из нормативных актов, не обладающих уголовно-правовой и уголовно-процессуальной природой. Полагаем, что специальная конфискация, о которой пишет автор, помимо вещественных доказательств и предметов, исключенных из оборота, охватывает также доходы от преступной деятельности, вещественными доказательствами не являющиеся.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы:

- Вещественные доказательства представляют собой предметы материального мира, прямо или косвенно связанные с исследуемым событием и несущие информацию о нем.
- Содержанием вещественного доказательства является информация, которая имеется в признаках предмета или его месторасположении и является непосредственным либо опосредованным отражением события преступления.

- Формой вещественного доказательства являются сами признаки предмета, а также протокол его обнаружения и осмотра и постановление о приобщении предмета к уголовному делу в качестве вещественного доказательства.

- В соответствии с закрепленным в УПК положением о необходимости нормативного определения каждого вида доказательства (ст. 78-80, 83, 84) следует включить в качестве ч. 1 статьи 81 УПК следующее определение «Вещественные доказательства – предметы, прямо или косвенно связанные с исследуемым событием и содержащие сведения о нем».

- Научные представления о вещественных доказательствах подлежат существенной трансформации, расширению в связи с изменениями и дополнениями, внесенными в УК и УПК РФ Законом от 27.07.2006. Они требуют также уточнения положений ст. 81 УПК.

- Пункт 1 ч. 1 ст. 81 следует обозначить как «предметы, которые служили орудиями преступления или средствами его совершения».

- Предметы, сохранившие на себе следы преступления, как вид вещественных доказательств следует выделить в отдельный пункт ст. 81 УПК.

- Пункт 2 ч.1 ст. 81 УПК следует изложить в следующей редакции: «Деньги, ценности и иное имущество, полученное в результате совершения преступления, или превращенное либо преобразованное в иную форму».

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [Федеральный закон №153-ФЗ: подписан Президентом РФ 27.07.2006 г.]. – Собрание законодательства РФ. – 2006. – №31.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Изд. 2-е, изм. и доп. / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 1997.
3. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Н.Башкатов [и др.]; отв. ред. И.Л. Петрухин. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утвержден постановлением 3-й сессии ВЦИК от 25 мая 1922 года // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сборник документов. – М., 1955.
5. Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005.
6. Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников // Российская юстиция, 2005. – №7.
7. Висков, Н.В. Специальная конфискация: правовая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения: монография / Н.В. Висков. – Волгоград, 2006.
8. Громов, Н.А. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе / Н.А. Громов, С.А. Зайцев, А.Н. Гуцин. – М., 2005.

9. Дорохов, В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1964. – №9.
10. Кудрявцева, А.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России: Монография / А.В. Кудрявцева, Ю.В. Худякова. – Челябинск: Издательство ООО «Полиграф-Мастер», 2006.
11. Лопаткин, Д.А. Вещественные доказательства (Процессуальные и криминалистические аспекты): дис. канд. ... юрид. наук / Д.А. Лопаткин. – Краснодар, 2003.
12. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – СПб, 1910. – Т.2.
13. Хмыров, А.А. Теория доказывания. Общая часть / А.А. Хмыров. – Краснодар, 2006.
14. Шейфер, С.А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена / С.А. Шейфер // Право и государство: теория и практика, 2005. – № 1.

Статья принята в печать в окончательном варианте 26.12.2006 г.

A.Yu. Kozhemjakin

NOTION OF MATERIAL EVIDENCE: DISCUSSION QUESTIONS OF THE THEORY

The discussion problem concerning identification of material evidence which has become very important after the admission of New Criminal Procedure Code of Russian Federation and other similar serious rules is considered. Author tries to analyze opinions of some scientists who have been researching this case so much for last years. He argues for usage his definition of the notion of material evidence and obtains more formulations which should insert to current law.